

Между корнями и крышей

Юна Летц

Юна Летц

Между корнями и крышей

<https://litres.ru/74586669>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как мама с дочкой сажают луковичку дома и как мечта прорастает — меняя всех участников по пути. Уютная проза для тех, кто волшебнит и не забывает расти — превращаясь в дома, где живёт любовь (и небольшие монстры, помешанные на печенье).

Содержание

Луковичка дома и песня-удобрение	4
Дом идёт, или Сапоги на тонкий носок	10
Синяя квартира с круглым столом	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Между корнями и крышей

Луковичка дома и песня-удобрение

Как-то много лет назад мы с моей дочерью пошли ранней весной в яблоневый сад недалеко от того места, где жили. В руках мы несли луковичку. Луковичку дома, а именно — собранные в узелок вещи, которые для нас что-то значили. Плюшевого слона, который уже выглядел так, будто пережил пару апокалипсисов, засушенный цветок из той поездки, где сердце летало выше самолёта, ключ от старого шкафа, носки, ставшие маленькими, но напоминающие о первых шагах ребёнка — и о том, как мы гордо говорили: «Смотри, она идёт!», а она просто падала каждые полметра, но это был очень целеустремлённый падёж.

Мы выкопали яму, положили туда нашу луковичку и прикопали.

— А чем поливают дома? — спросила дочь.

Хм. Я сказала первое, что пришло:

— Пением.

Мы взялись за руки и стали водить над вкопанной луковичей хоровод, напевая, как славно дом будет расти, какой будет красивый и уютный. Наш репертуар был специфическим: смесь колыбельных, рок-баллад и импровизаций — то, что пелось само прямо сейчас. Дочь особенно настаивала на куп-

лете про «больше вкусняшек каждый день»: на таких песнях дом точно вырастет быстрее! — считала она.

Нам с дочкой сильно хотелось иметь собственное жильё — место, где будут лежать наши вещи — не пять лет, не семь, а всегда. Для тех, кто переезжал не меньше семнадцати раз, это большое дело. Я хотела именно дом — как на детских рисунках, с покатой крышей, уютными светильниками окон и пучками трогательных цветов во дворе. С винтовой лестницей, словно вкрученной в небо. Мне нравилось представлять, как я гуляю по нему — вот одна комната с плетёнными лампами и кремового цвета занавесками, вот вторая — место тишины с огромным окном в полстены, за которым шуршит свои песни дерево. В моих фантазиях это было не просто дерево, а целый сосновый бэнд.

Мы посадили луковицу и пошли обратно, в маленькую съёмную квартиру, где жили вдвоём. Места было немного, но нам удавалось обжить его теплом. Спали мы на одной кровати, ещё был шкаф со створками, которые добавляли драматизма, когда сами открывались ночью. Три часа утра, ты просыпаешься от грохота, а шкаф стоит с распахнутыми дверцами, будто кричит: «Я тут! Я существую! И у меня есть секреты!»

В кухне было моё рабочее место. Летом голуби заходили прямо внутрь, и я смотрела, как они топчутся по столу с ошарашенным видом, будто сами не понимали, как сюда попали. Один из них однажды даже сел на клавиатуру и напе-

чтал что-то вроде «трррк-рррк» (такой философский трактат в одном предложении).

Мы умели радоваться, несмотря на очень маленькую территорию, данную нам в распоряжение. Когда начинались снегопады, мы надевали смешные вещи — я в старом свитере-рубище, который выглядел так, будто его вязали в состоянии глубокого экзистенциального кризиса, дочь в костюме единорога, который уже не налезал, но она отказывалась с ним расставаться, и включали музыку. Танцевали перед окном, где шёл снег, словно это были лучи на божественном танцполе.

Летом мы устраивали охоту на яблоки — один шваброй сбивал их с дерева перед окном, а второй внизу собирал их в подол. Это выглядело, наверное, слегка странно, но нам было весело, и яблоки были настоящие, и даже иногда не червивые. А ещё как-то на яблоню упал маленький грузовик, припарковался, что называется, и его так и не смогли снять — и постепенно он прижился, стал чем-то вроде соседа, которому мы желали доброго дня.

Мы украсили стены большими воздушными шарами с корзинами, нарисованными акварелью, так что комната стала волшебным местом, откуда можно взлететь. Хотя взлететь, честно говоря, было некуда — только на кухню и обратно, но дух приключений стал сильнее.

Птицы не только заходили ногами, когда окно было открыто, но и залетали. Один из голубей белого цвета так по-

любил наш дом, что остался там жить. Мы построили ему жилище из коробки на балконе. Он смотрел на нас с таким видом, будто это мы у него жили, а не он у нас. Мы не спорили — с голубями лучше не спорить, у них своя правда.

Мы радовались майским грозам, подставляя лицо под дождь, июньской жаре, соорудив шезлонг из картона на балконе, и августовским звездопадам. На Новый год мы запустили китайский фонарик с желанием, и он точно попал в флаг слева от окна, после чего пришлось в срочном порядке придумывать, как транспортировать воду вбок.

Мы много смеялись и ходили проверять нашу луковицу. Как там? Проросла? Надо полить ещё! Мы водили хороводы и поливали её пением, придумывая слова на ходу.

Дочь росла. Стало заметно, что игрушки розового цвета с одним рогом и разноцветным хвостом уже не вызывали у неё прыжка восторга. Надо было задуматься об отдельной комнате, месте, где она будет чувствовать себя собой и расти. Как каждому семечку нужно достаточно пространства, а ещё дверь, которую можно закрыть, когда ты поёшь в подушку К-рор. Это, оказывается, тоже базовая потребность.

В тот момент у меня была дистанционная работа на полный рабочий день, которую я как умела совмещала с материнством. Иногда не слишком успешно. Вот эта рука на окне, которая остаётся как след, когда тебя забирают позже всех из сада. Потом то же самое в школе. Звонки учителям: «Простите, у меня созвон, потом я сразу прибегу!» Десятки

килограмм шоколада, данного как благодарность. (Учителя, наверное, думали, что я спонсирую кондитерскую фабрику.) И чувство, что меня не хватает — вроде бы как-то удаётся всё проворачивать, но один слом, и всё пропало. Один слом — это, например, когда у тебя важная рабочая встреча, а интернет сбоит, и прямо тут же из школы звонят с просьбой забрать ребёнка: что-то не то съела. И ты такой: «Пщ! Помогите!»

А что с личной жизнью? Она практически отсутствовала. В какой-то момент начались ухаживания одного хорошего человека, но оставить её было не с кем, потому мы ходили на свидания вместе. Это выглядело как свидание с приложенным ребёнком. Дочь показывала ему свой рисунок единорога и рассказывала о дне в саду во всех подробностях, в том числе горшковых. Я краснела, она просила ещё мороженое. В какой-то момент я поняла, что он, возможно, встречается не столько со мной, сколько с единорогом. Но единорог был розовый и с блёстками — кого тут винить.

Не сказать, что я испытывала сильное желание с кем-то встречаться — но и закрывать эту дверь до конца не собиралась. Будь что будет. В течение дня я колотила по клавишам, создавая тексты для компаний, а вечерами мы с дочкой играли и гуляли. Как вместить сюда ещё человека было неясно. Может, он мог бы жить на балконе рядом с голубем? Другого пространства мы не могли предложить.

И продолжали мечтать. О собственном доме. Буквально

каждый день я представляла, как сяду на веранде с чашкой травяного чая, вытяну ноги в больших овечьих тапках и буду смотреть вдаль, испытывая чувство огромной свободы и вдохновения. Мне виделись эти зелёные океаны газона, эти бабочки, читающие своей красотой цветы. Мне представлялся мир, где не надо спешить, где всё так медленно, словно увязло в солнце, и превращается в мёд — сладкий и густой, главное питание для сердца. Я видела дом и спокойствие. И вот сейчас, глядя на ту себя, я понимаю, что сложно было представить лучше. Правда, тапки у меня не овечьи, вместо них — босые ноги.

Я сижу на веранде с чашкой травяного чая с сильными нотами душицы и зверобоя, и смотрю на океан травы, ну не совсем океан, скорей на море. Океан находится выше — он там, где кроны сосен, в которых утопает наш дом. Луковица проросла. На это потребовалось больше десяти лет. Моя дочь больше не интересуется единорогами, ей по душе мисты и патчи, но мы так же трогательно соединены, и всегда находим время устроить веселье. Только теперь оно выглядит не как хоровод вокруг ямы с луковичкой, а как совместный просмотр сериала вечером. Но суть та же: нам хорошо вместе. И к нам присоединился кое-кто ещё.

Дом идёт, или Сапоги на тонкий носок

Дом шёл по лесу в сапогах на тонкий носок.

Это была его главная ошибка, и он знал это с первого шага. Но сапоги были единственной обувью, а носки — единственной одеждой, и в этом, если подумать, была вся его жизнь: не то чтобы идеально, но зато честно. Он привык к ограничениям. Привык брать то, что есть, доедать за другими, тянуть всё на себе. Он нёс за плечами рюкзак, а в рюкзаке лежало четыре камня прошлого и два мотка нервов. Камни были тяжёлые, нервы — тоже, но камни хотя бы молчали. Нервы гудели. Особенно по ночам.

Ещё в рюкзаке лежал бутерброд с тишиной. Тишину он собирал каждый вечер на закате — бережно, как ягоды, чтобы не раздавить. Это был его личный запас: когда становилось слишком громко, он доставал кусочек и жевал, глядя на сосны. Сосны не спрашивали, что он ест. Сосны вообще были лучшими собеседниками в мире: ничего не советовали, ничего не требовали, просто стояли и делали своё сосновое дело.

У него мёрзли ноги и уши. Он привык терпеть холод и голод — это было в комплекте с тем, чтобы быть нужным. Но он не выносил шум. Поэтому ушёл из того места, где было

хоть сытно и тепло, но шумно. Ему хотелось к своим, в тишину. И он шёл, используя знаки как свитер: он шёл на тепло. А ещё на ключ.

Как-то ему приснился ключ. Он лежал в земле, и над ним пели. Дом рассматривал этот ключ и понял, что он был от него самого. Не от двери. От него. Как будто внутри него что-то заперли, а он и не знал, что это, но хотел бы узнать.

И он пошёл. Не потому что был уверен. А потому что впервые за долгое время ему захотелось.

Это было что-то вроде писем, которые приходили из будущего. Вот он стоит среди сосен, и в нём живёт кто-то. Кто-то есть в нём, внутри. Он пугался этого — а вдруг как в тот раз? А вдруг он снова откроется, а внутри всё разгромят и уйдут. И станет ещё холоднее. Но он был домом, и его миссией было заботиться — это не выбирают, это просто есть, как крыша. Правда, он всё же убрал с шеи скамейку, которая там была.

— Зачем ты её снял? — спросил заяц, который, конечно, всё видел.

— Чтобы никто не сел. На шею, — честно ответил дом.

— Логично, — сказал заяц. — Хотя глуповато.

— Я знаю, — вздохнул дом. — Но я пока не готов к умному.

— Ты главное не превращайся в крепость, а то так и просидишь один посреди леса, со всеми дверями на засове.

Дом чуть наклонился, будто хотел возразить, потом пере-

думал и снова вздохнул — уже тише, без скрипа.

— Я не хочу быть крепостью, — признался он. — Я хочу быть домом. Самим собой.

— Ладно-ладно, — сказал заяц. — Главное, чтобы скамейка не заржавела от обид.

И, вильнув хвостом, шмыгнул в кусты, оставив дом стоять и думать: а вдруг и правда не надо всё время держать оборону? Вдруг можно просто подождать — и кто-нибудь присядет на порог и скажет: «Привет. Можно я тут посижу?»

Дом поколебался, потом чуть-чуть приоткрыл одну дверь — так, чтобы щель пропускала тонкий пучок света. И пошёл дальше.

Синяя квартира с круглым столом

Итак, когда моей малышке стукнуло девять, стало ясно, что наша маленькая комната на двоих уже слишком тесная. Я начала петь громче и сильнее, подходя к тому месту, где мы посадили мечту. Если бы кто-то видел меня со стороны — девушка в резиновых сапогах, поющая над землёй в яблонево́м саду, — он бы, наверное, предложил мне чай и психолога. Но я знала: работает.

И вот в один из дней случилось кое-что интересное.

А именно — письмо. Оно пришло не из реальности, а словно из другого пространства, где всё возможно. Мне предложили контракт — и не простой, а мечты: работать сценаристом за сумму, которая сделала мои корни волос танцующими. Я перечитала письмо четыре раза, потом пятый, потом закрыла ноутбук, открыла, перечитала снова. Сумма не изменилась. Это было обнадёживающе.

За несколько лет до этого я начала публиковать свои короткие тексты-моменты, и со мной связался режиссёр. Он предложил написать для него сценарий фильма. Опыта у меня никакого не было, как и времени, но он обещал научить. И четыре месяца я писала сценарий — примерно с полпятого до восьми утра, после чего пора было вести дочку в школу. Это было похоже на жизнь в двух параллельных реальностях: одна — с волшебством, зачином и кульминациями, а

другая — с кашей, потерянным носком и «Мам, а почему ты всегда зеваешь, когда говоришь, что всё нормально?»

Этот сценарий никуда не пошёл, но через три года я отправила его на случайный конкурс и выиграла контракт.

Вот такой поворот даёт тропинка жизни. Иногда она ведёт через тьму, а потом вдруг выводит на поляну, залитую светом, и ты стоишь, моргаешь, и не понимаешь, откуда что взялось. Но стоишь и моргаешь с благодарностью.

Первое, что я сделала — сняла нам квартиру мечты. Сиюю, с панорамным балконом и большим круглым столом в кухне. У дочки появилась комната, и она могла наконец держать свою одежду в отдельном шкафу.

— Мои! Собственные! Полки! — сияла она, демонстрируя безразмерные зипки и штаны, сложенные по цветам в ящиках. Она размещала вещи по цветовому спектру с такой педантичностью, что мне иногда казалось: если бы можно было раскладывать по длинам волн, она бы это сделала. Я стояла в дверях и думала: вот оно, счастье. В собственных полках и в глазах ребёнка, который впервые чувствует «это моё, и я сама решаю, как тут будет».

Мы продолжали радоваться и завели ритуалы: завтракать зимой при свечах, готовить по выходным пироги, обволакивать квартиру запахом пало санто и ставить в середине осени живую сосну, которую украшали конфетами и картонными домиками со светом (как же без этого).

Тогда у меня начались отношения. Точнее, они начались

чуть раньше, но теперь перешли в формат два-три дня в неделю вместе. Дочь моя встретила перемены со смирением, которое, однако, было мнимым. Это ощущалось по тонким эмоциям на лице, которые она мастерски шифровала. Она улыбалась, кивала, говорила: «Конечно, мам, всё отлично», а потом шла к себе и переставляла мебель. Я понимала: если мебель переставлена — значит, что-то не так. Если переставлена дважды — значит, совсем не так. Если она раскладывала по полу детские рисунки и ходила по ним, сильно топая, — это конец света. Но на мои прямые вопросы она отвечала уклончиво — не хотела расстраивать.

Мои сценарные будни совмещались с тем, что я делала книги на заказ. Это началось как работа в найме, потом стало частной практикой и постепенно обросло единомышленниками, с которыми мы ваяли книжные проекты: от семейных книг до активити-бук, а ещё нон-фикшн, романы и даже сборники стихов. Что-то было частным, что-то корпоративным. Я постоянно работала. Только когда приезжал мой бойфренд, случалась небольшая передышка, но он жил так же, поэтому была полная гармония. Два человека, которые всё время работали и иногда виделись, — это не пара, это скорее два поезда, которые пересекаются на одной станции раз в три дня, обмениваются яблоками и едут дальше.

Это было что-то вроде курсов по созданию семьи, сэмпл, превью, но не она сама как есть. Я привыкала к тому, что не только мама, не только редактор, не только сценарист. От-

крывалось новое забытое пространство — длинных платьев, распущенных волос, и там можно было раскрываться — в тех пределах, которые были при таком формате общения.

Сериал писался, книжные проекты приходили, и в какой-то момент я обнаружила, что работаю по пятнадцать часов в день. Уже много лет я вставала в четыре утра, а единственной паузой между делами было время с бойфрендом или дочерью (как правило, отдельно — то с тем, то с тем). А ещё сон и спорт. Спорт стал огромной отдушиной. Прочувствовать своё тело, надавив на него с разных ракурсов, а потом лежать пластом в бане — это было счастье. Особенно момент «пластом».

Ещё сильно помогала наша уютная синяя квартира — и особенно тот самый панорамный балкон с видом на лес. Иногда в паузах между работами я останавливалась там, наблюдая, как живёт это дикое существо, похожее на огромную брокколи. Потом я узнала, что лес — это единая экосистема. Деревья могут выглядеть как отдельные существа, но всё это одно. Один организм. И как-то раз, когда рабочее напряжение было особенно сильным, мне пришла мысль спуститься в этот вид. Не «впасть в депрессию», а именно «спуститься в вид» — из наблюдателя стать участником.

Теперь то, что я видела сверху, стало тем, что было вокруг меня. И потихоньку заходило внутрь. Я гуляла по лесу и чувствовала, как просыпается дикая женщина, питающая мои сны образами разных форм. Я чувствовала, как стихии

входят в меня — вода, воздух, свет. Я начала различать голоса тишины. Лес ошеломил меня. Я возвращалась оттуда чистой и такой наполненной. Хотя несколько раз вернулась с репеем в волосах, но это тоже ничего: лес бывает демонстративным в своей любви.

Я знала теперь, что чтобы дом дошёл, мне надо расчистить дороги внутри — те самые, по которым ездили машинки программ. Мне надо было скосить дебри установок, подготовить место, где дом мог бы расположиться. Лес под окном нежно помогал делать эту работу. Я проводила там несколько часов в день, завела дома живое дерево — фортунеллу и очень дикого зверя — шиншиллу. Шиншилла, надо сказать, была настолько дикой, что предприняла не менее сотни попыток сбежать и смотрела на нас с таким видом, словно «эти кожаные мешки» посягнули на святыню (раньше шиншиллы у них на родине, в Перу, считали чуть ли не богами). Потом мы начали кормить её сухими розами и вроде как нашли общий язык (хотя сбегать она всё же не перестала).

Мы с дочкой продолжали мечтать о доме, отправляя фонарики в небо, тёрли лапы волшебных собак, сжигали и ели салфетки под куранты, визуализировали и аффирмировали — изо всех сил. На одном особенно отчаянном сеансе визуализации я так разошлась, что дочь тихо спросила: «Мам, а можно просто ипотеку взять?» Я посмотрела на неё с принятием и сказала: «Можно. Но сначала — съедим салфетки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.